

Об иллокутивных разновидностях чешской просьбы¹

© кандидат филологических наук А.И. Изотов, 2004

На последующих страницах мы будем рассматривать социально значимые разновидности побуждения, маркированные по признаку «индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия» (родовое понятие – *просьба*). Речь идет о таких побудительных высказываниях, как чешские *prosba, zaklinadlo, zapřisahání, domluva, přetlouvání, žádost, požadavek, naučení* и русские *просьба, мольба, убеждение, уговаривание, упрашивание, увещевание, заклинание, требование, наставление, поучение*.

Поскольку императивность в узком смысле основывается на авторитарной позиции Говорящего, на том, что одной его воли вполне достаточно для того, чтобы исполнение каузируемого действия стало для Исполнителя обязательно, обоснование побуждения может рассматриваться как «снижение императивности», ср.: «обоснование — это универсальная когнитивная процедура, приводящая к онтологизации некоторого знания, т. е. к введению знания в модель мира адресата. В данном случае обоснование приводит к тому, что некоторое знание, лежащее в основе побуждения, получает объективный статус и воспринимается адресатом как реальное, объективное знание. Иными словами, суть обоснования императива сводится к перенесению причин оснований побуждения из сферы более субъективного в сферу менее субъективного» [Баранов 1988: 16].

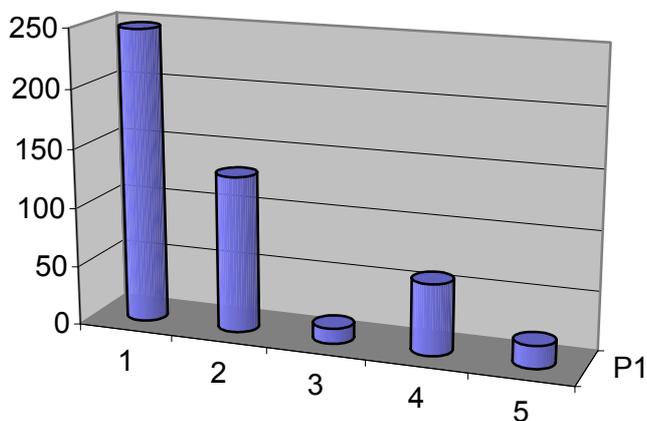
Prosba — просьба

Просьбу мы склонны рассматривать в качестве основного подтипа группы подтипов побуждения, маркированных по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия*. Анализирующий русские императивные высказывания Л. А. Бирюлин постулирует для *просьбы* следующие коммуникативно-прагматические условия: (а) как правило, *просьба* характеризуется фактивной каузацией действия, (б) *просьба* обычно исходит от того лица, чей социальный статус выше, либо используется в ситуациях, где субординативные отношения отсутствуют: в обоих случаях тот, кто просит, не вправе навязывать тому, у кого просят, определенное поведение, а обращается за добро-

¹ Автор признателен сотрудникам Института Чешского национального корпуса при философском факультете Карлова университета в Праге за любезно предоставленную возможность пользоваться собранным ими и хранящимся в компьютерном виде фактическим материалом, в частности, подкорпусом SYN2000 (около ста миллионов словоформ), представляющим основные функциональные стили современного чешского литературного языка, см. <http://ucnk.ff.cuni.cz/>

вольным сотрудничеством, (в) стоящий выше в социальной иерархии также может высказать просьбу, если то, что он просит совершить стоящего ниже, не обусловлено соответствующей конвенцией, и поэтому он не может в такой ситуации прибегать к своей власти; если же такое действие конвенционально, то подобная просьба является демагогичной и должна восприниматься как приказ, (г) просьба может высказываться как в институциональной, так и в межличностной социальной ситуации, (д) просьба допускает возможность отказа, (е) излагая просьбу, Говорящий, как правило, стремится изложить ее причины и мотивы, с тем чтобы убедить Слушающего в том, что у него имеются достаточные варианты для просьбы или насущная потребность в ней; изложение мотивировки просьбы преследует цель возложить на слушающего обязательство выполнить, а не отвергнуть ее, (ж) в случае невыполнения просьбы Говорящий не имеет права применять санкции в отношении Слушающего, (з) при просьбе исполнение каузируемого действия осуществляется в интересах Говорящего, (и) в императивном высказывании, выражающем просьбу, могут использоваться показатели вежливости, (к) смысловыми вариантами просьбы являются 'упрашивание', 'уговаривание', 'мольба' и 'заклинание', отличающиеся от просьбы степенью проявления желания Говорящего и используемые обычно в ситуации отказа (иногда предполагаемого) [Бирюлин 1992: 27].

В текстах SYN2000 в качестве *просьбы* охарактеризовано более половины (248 из 472) побудительных высказываний данной группы, снабженных авторской иллокутивной маркировкой, ср.:

- 1 — высказывания типа "*Přestaň, prosila.*" <doc S|NOV|1992|poirot11><s 001-p22s10>.
2. — высказывания типа "*Nechte ho, žádal Prokop.*" <doc S|NOV|1982|krakatit><s 001-p283s1>
3. — высказывания типа "*Prosím vás, pomozte mi, zapřísahal ji šeptem.*" <doc S|NOV|1997|doktorv><s 002-p602s3>
4. — высказывания типа "*Nerouhej se, domlouval mu Filip.*" <doc S|NOV|1992|lit><s 001-p656s1>
5. — высказывания типа "*Prosím, vezmi si ho, přemlouvala mě.*" <doc S|NOV|1996|klenot1><s 001-p283s2>

Domluva, přemlouvání — убеждение, уговаривание, упрашивание, увещание

Все данные побудительные интерпретации характеризуются, как мы считаем, прагматической пресуппозицией 'адресат противится выполнению действия', ср.:

<i>Mistr domlouvá sousedům:</i> "Měl byste přidat v práci. Kamarád vedle vás dělá téměř dvakrát tolik!" / "Však už jsem tu za to vynadal" (Dikobraz)	'Мастер убеждает рабочего: «Вам надо работать лучше. Ваш друг рядом делает почти в два раза больше!» / «Да я его за это уже отругал!»'
<i>To nemá smysl, domlouvaly jí sestry.</i> <doc S NOV 1992 slunhod1><s 001- p118s1>	'«Это не имеет смысла», — убе- ждали ее сестры.'
<i>Nechte je, pane, domlouval mu kmet.</i> <doc S NOV 1993 pec2><s 001-p435s1>	'«Оставьте их, господин,» — убеждал его старейшина.'

Многочисленные **убеждения** перерастают в **уговаривание** (чешск. **přemlouvání**), при этом пресуппозиция 'адресат противится выполнению действия' закономерно усиливается.

<i>Ale bujón už přece můžete, přemlouvala ji oteklá pečovatelka a zvedla talíře.</i> <doc S NOV 1991 kap><s 001-p351s2>	'«Но бульон-то вы уже можете», — уговаривала ее тучная сиделка, поднимая тарелки.'
<i>Slib mi, že zůstaneš, přemlouvala mě.</i> <doc S NOV 1996 klenot5><s	'«Обещай, что останешься», — уговаривала она меня.'

001-p541s4>

"Vždyt' ten astrolog dělá horoskopy Havlovi, tak bys mu snad mohl věřit," přemlouvala ho maminka. <doc S|PUB|1997|story97><s 565-p12s8> '«Ведь этот астролог составляет гороскопы самому Гавелу, так что ему ты можешь верить», — уговаривала его мама.'

Отрицательным вариантом *уговаривания* является *отговаривание*, ср.:

— Je to už jedno. Nechod', — '«Это уже все равно. Не ходи»,
rozmlouval ji Bláha (J. Procházka. — *отговаривал* ее Блага.'
Konec osamělého střelce)

Вариантом русского *убеждения* мы считаем *увещевание*, имеющее, по мнению некоторых исследователей, прагматическую презумпцию 'действие адресата не соответствует морально-этическим нормам' [Филатова 1997: 107]². Нам, однако, представляется, что речь идет не о презумпции, а о коннотации, наличие которой возможно, но не обязательно, ср.: «*Увещеваю вас, люди добрые и благочестивые, — не унимался жрец, — не верьте чародеям, не обращайтесь к ним за советами и с просьбами*» (Крещение огнем / Перевод Е. П. Вайсброта).

Русское *упрашивание* относится к *просьбе* так же, как *уговаривание* — к *убеждению*.

Рассматриваемые побудительные интерпретации в обоих сопоставляемых языках способны приобретать коннотацию 'действие совершается в интересах Исполнителя'³, ср.:

Žena *domlouvá* manželovi, který nechce světu synovi pomoci s domácí úlohou: "Oldřichu, pomáhej mi, dokud můžeš! Na podzim už půjde do čtvrté třídy". (Dikobraz) 'Жена *убеждает* мужа, который не хочет делать сыну домашнее задание: «Олдржих, помогай ему, пока можешь! Осенью он пойдет уже в четвертый класс.»'

"Je to příjemné a za pouhých tisíc" '«Это приятно и всего за тысячу

² Ср. приводимые там же примеры: Н а т а ш а . Ты бы, чай, теперь поласковее с ней обращался... ведь уж недолго. К л е ш . Знаю. (М. Горький); Ч а р н о т аРома! Ты генерального штаба! Что же ты делаешь? Рома, прекрати! (М. Булгаков); Ты хоть бы о ребятах подумал, деятель! Ты думаешь, они тебя добром помянут, ежели ты их в колхозе оставишь... (В. Белов).

³ Что, безусловно, сближает *убеждение*, *увещевание*, *уговаривание* (равно как *domluva*, *přemlouvání*) с группой интерпретаций, условно обозначаемых как *совет* (чешск. *rada*).

rupii, " přemlouvaly ji .<doc рупий», — уговаривали ее. '
S|NOV|1995|otcem><s 001-
p1206s1> <s>

Zaklinadlo, zapřísahání, мольба, заклинание

В качестве *мольбы* мы склонны рассматривать настойчивую просьбу с экспликацией униженной позиции говорящего, ср.: «Я умоляю тебя, — **жалобно попросила** Маргарита, — не говори так». (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

При этом может актуализироваться не объективность, а субъективность интересов Говорящего, мотивирующих *необходимость* осуществления каузируемого действия.

Мы склонны различать **заклинание**₁ (магическую процедуру) и **заклинание**₂ (побудительный речевой акт, близкий к *мольбе*). В чешской языковой картине мира **заклинанию**₁ соответствует **zaklinadlo**, а **заклинанию**₂ — **zapřísahání**, ср.:

Ukázal mu, jak je třeba se postavit do kouta světnice <...> a vyslovit polohlasem zaklinadlo: «Přijď, ďáble, přijď!» (J. Kopš. Pražské pitavaly) 'Он показал ему, как надо встать в угол комнаты <...> и произнести вполголоса **заклинание**: «Явись, дьявол, явись!»'

Pročez zapřísaháme vás, abyste <...> vyzvali národ náš, aby se semkl v celonárodní jednotu na obranu vlasti. (K. Čapek. Továrna na absolutno) 'Поэтому мы **заклинаем** вас <...> призвать народ наш сомкнуться для защиты отечества.'

В случае с **заклинанием**₁ высокая степень мотивированности каузируемого действия обусловлена апелляцией Говорящего к неким силам, авторитет которых абсолютен для Исполнителя и даже для мироздания в целом. При этом предполагается, что Прескриптор обладает возможностью влиять на эти силы⁴. Таким образом, **заклинание**₁ сближается с «авторитарными» побудительными речевыми эктами.

Если же Говорящий реально не обладает этой возможностью (эта возможность не признается либо игнорируется адресатом побуждения), то данный речевой акт оказывается неуспешным, ср.:

⁴ Независимо от того, верим ли мы в существование колдовства и заклинаний в нашем реальном мире, или нет, мы не можем отрицать их существования в нашей языковой картине мира, пусть даже это и относится к «вторичной действительности» — миру фольклора, художественной литературы, кинематографа, компьютерных игр и т. д.

— *Могуществом Высших Сфер, — простонала чародейка, собирая остатки сил и вода рукой в воздухе. — Водой, огнем, землей и воздухом заклинаю тебя. Заклинаю мыслью, сном и смертью, тем, что было, есть и что будет! Заклинаю тебя. Кто ты? Говори!*

<...>

— *Ты не можешь.*

(А. Сапковский. Крещение огнем / Перевод Е. П. Вайсброта)

Священник. *Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души —
Ступайте по своим домам!*

Председатель. *Дома
У нас печальны — юность любит радость.*

<...>

Многие. *<...> пошел! пошел!*
(А. С. Пушкин. Пир во время чумы).

Вне мира волшебства **заклинание** близко к **мольбе** и характерно для патетически возвышенного способа выражения, ср.:

Опять, как когда-то зимой в Сиверской, Володя рвется уехать, но теперь его хватают, задерживают, Варя и Ася отнимают чемодан, Елена Федоровна умоляет чуть ли не со слезами: «Дети мои, заклинаю, что бы ни случилось в городе, в мире, вы должны оставаться друзьями. И ты, Володя, и ты, Павлик, и вы, дети, подайте друг другу руки немедленно...» (Ю. Трифонов. Старик).

За пределами патетически возвышенной сферы **заклинание**₂ неуместно, ср.:

— *Надежда Сергеевна, — стал диктовать профессор, а Пилипенко вырвал из блокнота лист и начал писать. — Надежда Сергеевна, — опять взмолился профессор, — заклинаю тебя небом...*

— *Ну, ерунда какая-то, — перестал писать Пилипенко. — При чем тут небо?*

— *Пиши, пиши, — сказал Максимыч. — Чем глупей, тем лучше.*
(В. М. Шукшин. Ночью в бойлерной).

Žádost, požadavek, требование

Русское **требование** мы рассматриваем как категорическое побуждение (этим оно отличается от **просьбы**) при отсутствии авторитарной позиции говорящего, а поэтому говорящий и не может быть уверен в том, будет ли каузируемое действие выполнено, или нет. Вслед за Ю. Д. Апресяном мы видим существенную особенность **требования** (в отличие от **приказа, запрета, позволения** и **просьбы**) в том, что говорящий убежден (в действительности или притворно), что он имеет право настаивать на том, чтобы адресат сделал то, что он, говорящий, хочет от него [Апресян 1969: 22].

Авторы [Mluvnice češtiny, 1987] не выделяют **требование** (*žádost*) в качестве самостоятельного подтипа побуждения, видимо, потому, что оно используется (наряду с каузативом *vůzva*) в качестве общеродового понятия (ср. *žádací výřevy* ‘побудительные высказывания’). Кроме того, в чешской языковой картине мира различия между **требованием** и **просьбой** не столь очевидны, как в русской, ср.: «Просьба [prosba] и требование [žádost] весьма близки. Различия между ними обуславливаются прежде всего взаимной позицией партнеров. То, чего мы хотим достичь, мы формулируем как просьбу [prosba] тогда, когда наш партнер “стоит над нами” (например, в силу того, что мы уважаем его более высокое общественное положение, положение по службе, возраст, опыт и т. д.), либо наше желание, которое мы намереемся осуществить, представляется нам несколько нескромным, или же мы хотим пробудить в партнере чувства нам благоприятные и т. п. Требование [žádost] осуществляется в ситуациях, которые характеризуются нейтральным отношением партнеров, которые могут друг друга и не знать, при этом говорящий уверен, что партнер исполнит (должен исполнить) притязания» [Müllerová 1979: 72]. Очень часто речь идет о побуждении, близком к русской **просьбе**, ср. некоторые примеры, содержащиеся в авторском комментарии к побудительному высказыванию персонажа глаголы *žádat* и *požádat*:

Paní Vanda jde nakupovat a žádá manžela: “Prosím tě, nemám drobné, vyměň mi dvacetikorunu za dvě stokorunu!” (Dikobraz)

‘Пани Ванда собирается в магазин и просит мужа: «У меня нет мелочи, разменяй мне двадцатикоронную на две стокоронные!»’

Pan Vincenc žádá číšnici: “Jeden guláš a dobré slovo, prosím.” (Dikobraz)

‘Господин Винценц просит официантку: «Пожалуйста, один гуляш и доброе слово»’

— *Mně koňak, — požádala Inka.* ‘«Мне коньяк», — **попросила**
(J. Procházka. Hon na lišku) *Инка.*’

Как мы видим, в приведенных выше примерах как *žádost* характеризуется не категорическое побуждение. Нередко один и тот же побудительный речевой акт может быть охарактеризован и как *prosba*, и как *žádost*, ср.:

Poprosil je o souhlas, avšak konšelé ‘Он **просил** разрешения, однако
se rozhněvali nad jeho opovázlivostí *членов городского совета рас-*
a žádost hned napoprvé zamítli. *сердила его дерзость и в **проше-***
(Cibula V. O paláci Kinských) *нии было сразу же отказано.*’

Тем не менее обозначаемый каузативом *žádost* подтип побуждения может быть и категорическим, будучи выражен эксплицитной перформативной формулой, ср.:

Žádám, abyste pracoval svědomitě. *Я **требую**, чтобы вы относились*
(M. Kapek. A je to gól!) *к своей работе ответственно.*

Žádám náhradu škody. (Dikobraz) *Я **требую** возмещения убытков.*

Čtenáři se žádají, aby neodnášeli *Читателей **просят**⁵ не выносить*
časopisy z čítárny! (пример из *журналы из читального зала.*
[Mluvnice češtiny 1987: 343])

О том обстоятельстве, что в языковом сознании носителя чешского языка *žádost* обозначает семантическую интерпретацию побуждения, отличную и от *приказа*, и от *просьбы*, достаточно красноречиво, на наш взгляд, свидетельствует и реплика героя романа В. Эрбена, разбуженного следователем среди ночи и услышавшего, что к восьми утра его ожидают в другом городе:

Je to prosba, nebo žádost, nebo rozkaz? *Это **просьба, требование или***
(V. Erben. Poklad byzantského kupce) *приказ?*

Однозначно категоричным является подтип побуждения, который также соотносим с русским *требованием* и обозначается как *požadavek*. По мнению О. Мюллеровой, этот подтип побуждения «в большинстве случаев конкретен и точно обозначен. Его исполнение бывает условием для успешной реализации чего-либо. Из-за своей оп-

⁵ В современном русском речепотреблении в составе эксплицитных перформативных высказываний типа *Прошу покинуть зал*, *Просьба освободить вагоны* данная лексема выражает не *просьбу*, а *требование* [Булыгина, Шмелев 1997: 290].

ределенности и настоятельности оно бывает близко к коммуникативным функциям <...> указания, приказа» [Müllerová 1979: 72]. В качестве примера исследовательница приводит реплику *Mami ty tu nepapovídej!* 'Мама, не подсказывай ему!' в ситуации игры родителей с детьми.

Naučení, наставление, поучение

Несколько особняком в данной группе побудительных речевых актов стоит *naučení* — *наставление (поучение)*⁶, которое может быть охарактеризовано как побудительный речевой акт, посредством которого каузируется действие (последовательность действий), выполнение которого представляется Говорящему необходимым по соображениям морально-этического порядка. При этом «существенным для данного речевого акта является характер Д: это не одноразовое, обусловленное именно данной ситуацией действие или поведение, а рассчитанное на перспективу. Речевое действие Г представляет собой “инструкцию” для А поступать определенным образом в подобных ситуациях или всегда поступать подобным образом» [Филатова 1997: 106]. Говорящий считает себя вправе направлять действия Исполнителя либо в силу своего более высокого социально-нравственного статуса⁷, либо если он апеллирует к некоему достаточно высокому моральному авторитету — к пословицам, поговоркам, крылатым выражениям и т. п., ср. чешск. *Co tam, to tam (pro to si hlavu nelam), Darovanému koni na zuby nehleď, Dočkej času jako husa klasu, Co můžeš udělat dnes, neodkládej na zítřek, Ševče, drž se svého kopyta, Moudrému napověz, hloupému dolož, Na chytrého mrkni, hloupého trkni, Neříkej hop, dokud nepřeskočíš, Nejásej předčasně, Dvakrát měř, jednou řež, Pospíchej pomalu, Nechval dne před večerem*; русск. *Пришла беда — отворяй ворота, Не выноси сор из избы, Честное дело делай смело, Терпи, казак, атаманом будешь, Не бойся собаки брехливой — бойся молчаливой, Куй железо, пока горячо, Коси коса, пока роса, Не зная броду, не суйся в воду, Хочешь есть калачи, так не лежи на печи, Заварил кашу, сам ее и расхлебывай, Взятся за гуж, не говори, что не дюж, Назвался груздем — полезай в кузов, Не рой другому яму — сам в нес попадешь, Всяк сверчок знай свой шесток, Умному подкажи — а дураку в рот положи, Не говори «гон», пока не перепрыг-*

⁶ Так данный подтип побуждения обозначен в [Прокопчик 1955: 11], [Немешайлова 1961: 15].

⁷ Любой побудительный акт имеет прагматическую презумпцию 'коммуниканты осведомлены о взаимных правах и обязанностях' [Любимов 1984: 9].

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2004. — Вып. 27. — 96 с. ISBN 5-317-01052-7

*нешь, Семь раз **отмерь**, один раз **отрежь**, **Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки, Хвали день по вечеру**⁸.*

Литература

- Апресян Ю. Д.* Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Известия АН СССР, Серия литературы и языка. Т. XXVIII, 1969. № 1. — С. 11-23.
- Баранов А. Н.* Императив и вежливость // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». — Л.: АН СССР, 1988. — С. 16-17.
- Бирюлин Л. А.* Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: Автореф. дисс... доктора филол. наук. СПб., 1992. — 41 с.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с.
- Лобимов А. О.* Средства выражения побуждения в современном португальском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1988. — 20 с.
- Немешайлова А. В.* Повелительное наклонение в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Пенза, 1961. — 27 с.
- Прокопчик А. В.* Структура и значение побудительных предложений в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1955. — 16 с.
- Филатова Е. А.* Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1997. — 253 с.
- 100 ilustrovaných přísloví. Praha: Česká expedice, 1993. — 131 s.
- Mluvnice češtiny. — Praha: Academia, 1987. D. III. — 748 s.
- Müllerová O.* Komunikativní složky výstavby dialogického textu. — Praha, 1979. — 161 s.

⁸ Показательно, что в источнике приведенных примеров [100 ilustrovaných přísloví 1993], содержащем функционально соотносительные пословицы и поговорки в различных европейских языках, русские пословицы заметно чаще оказываются оформленными императивной конструкцией, чем пословицы чешские.